

ДРЕВНЕРУССКІЙ ДУХОВНИКЪ ¹⁾.

(Очеркъ).

II.

Учительная обязанность древнерусскаго духовника. — Взглядъ на него церкви, какъ на учителя народа. — Духовники—невѣжды. — Примѣръ учительнаго духовника (преп. Авраамій смол.). — Письменные произведенія древнерусскихъ духовниковъ. — Поученія и посланія духовнымъ дѣтямъ.

Высокое положеніе духовника древней Руси въ покаяльной семьѣ требовало отъ него значительнаго умственнаго и образовательнаго ценза. Врачъ больной человѣческой совѣсти и примиритель грѣшника съ Богомъ, непререкаемый авторитетъ для своихъ духовныхъ дѣтей и передовой вождь ихъ къ небу, — древнерусскій духовникъ долженъ былъ являться пастыремъ выдающихся дарованій, опытности и книжности. Въ древнихъ постановленіяхъ объ исповѣди такой идеаль духовнаго отца рисуется очень ясно: это — священникъ трезваго ума, смысленный и разумный, „часто почитающій книги святыхъ“. „хитрый книгамъ“, „мудрый въ ученіи книжномъ“ и вообще „наказанный въ писаніи“ ²⁾. Учительная обязанность духовника была неразрывно связана съ его должностью. Прежде всего исповѣдь въ древней Руси представляла собою не только сакраментальный актъ, но и назидательное собесѣдованіе. Она предварялась свободной бесѣдой духовника съ покаяльнымъ сыномъ и предъисповѣднымъ увѣщаніемъ, сопровождалась исповѣдь поученіемъ ³⁾. Духовникъ же читалъ поученіе и при вѣн-

¹⁾ Продолженіе. См. февраль.

²⁾ *Алмазовъ*, Тайная исповѣдь, III, 267. Ркп. Вол. Б—ки № 521, л. 285. № 566, л. 74 об. и 76; *Выкова*, Опис. Сборн. И. П. Б—ки, 376

³⁾ Объ этомъ см. *Алмазова*, цит. соч. I, 449—470

чаніи своихъ духовныхъ дѣтей ¹⁾. При постоянномъ общеніи съ духовными дѣтьми у древнерусскаго духовника были часты случаи, когда они требовали отъ него руководства или назиданія. Въ началѣ говѣнья духовныя дѣти шли къ отцамъ спрашивать о пищѣ и о поклонахъ и отцы излагали имъ требованія церковнаго устава ²⁾. Станетъ готовиться древнерусскій человекъ къ смерти, онъ идетъ къ духовному отцу и заказываетъ отслужить сорокоустъ при своей жизни (у насъ въ древности былъ такой обычай) и у духовника готова тема для назиданія: „брате, абы ти како не съгрѣшати боіѣ; видиши ли: мертвецъ не съгрѣшаетъ“ ³⁾. Посѣщая своихъ духовныхъ дѣтей, духовники вели нерѣдко душеспасительную бесѣду (припомнимъ преп. Θεодосія). Одинъ древній духовникъ заявляетъ дѣтямъ: „а намъ подобаетъ учить на трапезѣ и на улицахъ, а вамъ приходя и пріимати ученія непрестанно лѣанія слезу“ (т. е. непрестанно проливая слезы ⁴⁾). И мы видѣли, что духовники учили своихъ чадъ на спасеніе, призывали къ покаянію и указывали путь къ вышнему Іерусалиму на мірскихъ пирахъ послѣ четвертой чаши ⁵⁾. Въ общемъ учительная дѣятельность древнерусскихъ духовниковъ была замѣтнымъ явленіемъ въ церковной жизни древней Руси.

И церковь считалась съ этимъ. Читая многочисленныя посланія и поученія духовенству русскихъ святителей древняго времени, мы встрѣчаемъ неизмѣнное предписаніе священникамъ учить или наказывать своихъ „дѣтей духовныхъ“ (или просто „дѣтей“). Стоглавый соборъ повторяетъ эту стереотипную фразу. На нашъ взглядъ она свидѣтельствуєтъ о томъ, что древнерусская церковная власть, предписывая низшему духовенству обязанность пастырскаго учительства, обращается собственно къ классу духовниковъ, къ тѣмъ священникамъ, которые получили право на исповѣдь. Среди этихъ послѣднихъ является мнѣніе, будто каждый изъ нихъ обязанъ учительствовать только въ предѣлахъ

¹⁾ Б. В. февраль, 193.

²⁾ Тамъ же, 182.

³⁾ Р. И. Б. VI, 51.

⁴⁾ Поученіе св. отецъ къ дѣтемъ душевнымъ. Приложение IV.

⁵⁾ Б. В. февраль, 194 и 175.

своей духовной семьи и дать Богу отвѣтъ только за нравственное состояніе своихъ духовныхъ дѣтей. „Не глаголи того, попе, обращается одинъ древній духовникъ къ другимъ, не сынъ ми есть, почто ми его учити? Но своего ради спасенія всякаго человѣка отъ зла вѣстяни, а на добро поучай, ты бо еси всѣмъ отецъ: стару и младу, богату и убогу“. „Чи симъ избуду муки вѣчныя: (говоритъ онъ ужъ отъ своего лица) не дѣти суть, почто ми ихъ учити“¹⁾. Выходило, что древнерусскій священникъ, не имѣвшій духовныхъ дѣтей, считалъ себя свободнымъ отъ учительской обязанности. Учительность—качество обязательное для всякаго пастыря; но въ древней Руси, при извѣстномъ состояніи просвѣщенія, невозможно было ея требовать отъ каждаго приходскаго священника. II вотъ мы встрѣчаемъ прямыя запрещенія для нѣкоторыхъ священниковъ „держати духовныхъ дѣтей“, а вмѣстѣ съ тѣмъ учить и читать предъ людьми. „Не подобаетъ несмысленному попови держати дѣтей и учити предъ людьми“²⁾. „Вѣдати же подобаетъ, яко предсловое слово о покаяннѣ, не подобаетъ несмыслну попови държати (т. е. дѣтсей) и чьсти предъ людьми“³⁾.

1) Поученіе св. отецъ къ дѣтемъ душевнымъ. См. Приложение IV.

2) Дубенскій сборникъ. *Срезневскій*, Св. и зам. о малозв. и неизв. пам. ХLI—LXXX, 314.

3) Р. И. Б. VI, 845. Наставленія объ исповѣди, откуда взяты приведенныя выдержки, энергично или даже рѣзко выражаютъ запрещеніе несмысленнымъ и некнижнымъ попамъ принимать обязанности духовника. „Подобаетъ же вѣдати, яко неразумпу попу книгамъ не подобаетъ держати дѣтей духовныхъ, но подобаетъ добръ умѣющимъ книгамъ тоже учити люди, а не умѣющимъ лучше не прѣмалн на покаяннѣ“. Ркп. Вол. В—ки № 566, л. 80 об.; № 521, л. 184. Въ болѣе ранней редакціи наставленіе издано въ VI т. Р. И. Б. стр. 845—46. „А невѣжи и грубу таковоулучши не быти попомъ (т. е. духовникомъ), аже не мочно научити люди, то лучше не прѣмалн на покаяннѣ грубому, да не погубитъ себе и людей, слепый бо аще слепца ведеть и оба въ яму впадутся. Се же глаголетъ іерѣомъ грубымъ, иже не вѣдять закона и книгъ, то како можеть прѣмалн на покаяннѣ. Невѣдѣніе бо злѣе сѣгрѣшенія: вѣдал бо аще сѣгрѣшитъ вѣсть о чомъ каятися, а не вѣдый же не творитъ ся сѣгрѣшивъ и не вѣсть о чомъ каятися. Мнози бо заблудниши не почитающе книгъ, а инѣ чтуще и не имѣюще ума сѣвершенна въ ересь впадаютъ и безоума погыбають, книгамъ бо училися друогу оу друга, а Богъ разумъ даеть“. Ркп. Вол. В—ки № 566 л. 74 об. и 75. ср. Р. И. Б. VI, 836—37. Церковь употребляла и другое средство не допускать невѣжественныхъ поповъ до

Этими предписаніями хотѣли, такъ сказать, убрать съ глазъ долой поповъ — невѣждъ, оставляя имъ изъ пастырскихъ обязанностей только службу въ храмѣ и требоисправленіе. Такимъ образомъ учительная обязанность приходскаго духовенства древней Руси слагалась съ цѣлаго класса и переносилась на его часть. И всякій священникъ, бѣлый или черный, имѣвшій способность или только желаніе сдѣлаться учителемъ народа, долженъ былъ получить право на исповѣдь, стать духовникомъ. Эта должность была естественнымъ, если только не единственнымъ, путемъ для низшаго духовенства къ учительной дѣятельности въ народѣ. И здѣсь мы видимъ подтвержденіе съ новой стороны уже высказаннаго ныше предположенія, что классъ нашихъ древнихъ духовниковъ возвышался надъ рядовымъ приходскимъ духовенствомъ.

Но чего собственно требовала наша древняя церковь отъ духовника, когда предписывала ему быть книжнымъ и учительнымъ? Въ древней Руси религію понимали главнымъ образомъ какъ дисциплину жизни, а это отражалось на представленіи о книжности и духовной учительности. Смѣшившая совокупность духовныхъ книгъ (исключая „отреченныхъ“) съ понятіемъ Божественнаго откровенія, тогда смотрѣли на книги, какъ на путеводитель въ этой жизни, подробно описывающій ступени нравственнаго совершенства и опасности соблазна и указывающій средства для возстанія. По книгамъ спасались русскіе люди древняго времени, опускаясь, по лѣтописному выраженію, въ ихъ неизсчетную глубину, къ источникамъ мудрости и износя оттуда каждый для себя „бисеры драги“. Преп. Нилъ Сорскій искалъ въ книгахъ разрѣшенія своихъ вопросовъ аскетическаго дѣланія, а простой грамотѣй требовалъ отъ книги указаній церковно-дисциплинарнаго характера. Книжнымъ человекомъ былъ тотъ, кто умѣлъ ориентироваться въ сокровищницѣ книжной мудрости, найти въ ней прямой отвѣтъ на всякій вопросъ христіанской мысли, а главное, жизни. Церковь не требовала отъ духовника большаго, какъ быть живымъ указателемъ къ книгамъ для простыхъ пекнижныхъ вѣрую-

должности духовника, наставляя вѣрующіхъ не ходить къ нимъ на исповѣдь (см. Б. В. февраль, 167).

щихъ. Такъ надо представлять требованіе книжности отъ древнерусскаго духовника. Отсюда и учительность его понималась главнымъ образомъ практически, въ смыслѣ умѣнья руководить въ нравственной жизни. Въ поученіяхъ и посланіяхъ нашихъ древнихъ пастырей слово „учить“ въ отношеніи духовника къ дѣтямъ нерѣдко замѣняется словомъ „наказывать“ (т. е. воспитывать или приказывать); предметы ученія и наказанія, перечисляемые здѣсь преимущественно практически-дисциплинарнаго характера, рѣже нравственнаго и почти никогда характера религіозно-теоретическаго ¹⁾. Въ предписаніяхъ церкви ясно указывается тотъ отдѣлъ божественныхъ книгъ, съ которыми духовникъ долженъ имѣть дѣло: и это оказываются книги церковныхъ правилъ. Въ древнемъ наставленіи епископа новопоставленному священнику, получавшему право и на исповѣдь, говорится: „дѣло же твое буди учиться закону Господню день и ночь и заповѣди прехвальныхъ апостоль вселенскихъ 6 (вар. семи) сборъ и помѣстныхъ святыхъ отецъ правилъ“ ²⁾. Кромѣ книги правилъ духовникъ былъ обязанъ имѣть толкованія на нихъ и вообще не мало произведеній церковной канонической письменности ³⁾. Къ нему

1) Эти поученія и посланія изданы главнымъ образомъ въ VI т. Р. И. Б.—ки, въ Исторіи *преосв. Макарія* и въ Приб. къ Твор. св. Отцевъ.

2) Р. И. Б. VI, 103.

3) Русскій переписчикъ толкованій Вальсамона и Зонары (XVII в.) замѣчаетъ объ этой книгѣ: „коликѣ нужна в наученіе священныхъ и во исправленіе исповѣдающихся и потребна еже имѣти ю духовникомъ, сказуетъ въ книгѣ Номоканонѣ собранномъ въ святѣй горѣ Аѳонскѣй, богодуховенными отцы глаголюще: яко не имѣяи сихъ книгъ, не поставляется епископъ, или іерей, наче же духовникъ“ (А. *Бычковъ*. Опис. сборникѣ П. И. Б.—ки, 355—56 стр.). Въ Сборникѣ XVII в. б.—ки гр. Уварова (№ 1878, 131) встрѣчается такая статья. „Номоканона друкари киѣвскія изъ предисловія о книгъ хъ правильныхъ“. (На поляхъ: „книги духовнику нуждны“). „Хотай же духовникъ совершеннѣе уразумѣтися и оувѣдати каноны, да стяжеть книги правилъ всѣхъ, ся есть: 1) Книгу преподобнаго Іоанна Зонары, иже соборныя и помѣстныя истолкова каноны. 2) Книгу блаженнѣшаго Феодора Вальсамона Патріархи антиохійскаго иже совершеннѣе истолкова вся канона. 3) Номоканонъ блаженнѣшаго Фотія Патріархи константинопольскаго. 4) Книгу преподобнаго во іеромонасѣхъ Матвея, иже по составлѣхъ правила разумно собравъ состави, обаче блюстетья подобаетъ яко вибкія зводы вниде писаніе, аки бы отъ Константина великаго сотворенно, ивѣтъ сія вещь извѣстная. Къ сему: 5) Книгу пра-

предъявляется на этотъ счетъ требованіе болѣе строгое, чѣмъ даже къ епископу. „Не имѣяй сихъ книгъ не поставляется епископъ, или іерей, *паче же духовникъ*“. Такимъ образомъ отъ учительнаго духовника церковь требовала только знанія церковныхъ правилъ и церковной дисциплины, — знанія предмета, касавшагося ближайшимъ образомъ его профессіи. Въ сущности здѣсь нѣтъ ничего новаго или лишняго противъ общихъ требованій, предъявлявшихся къ духовнику церковью и это потому, что его дѣятельность включала въ себя то, что называлось въ древней Руси учительностью пастыря. А съ другой стороны отсюда становится естественнымъ и освобожденіе простыхъ священниковъ отъ учительной обязанности. Для исполненія ея у нихъ не было власти. Сохранился образецъ „прощальнаго списка“ (отпускной грамоты) духовника его духовному сыну, гдѣ описана вся руководительная дѣятельность перваго такими словами: „азъ же взяхъ отъ заповѣдей апостольскихъ и явихъ ему правила церковная святыхъ и богоносныхъ отецъ и дахъ ему противъ сихъ всѣхъ бременъ запрещеніе по его немощи, елико можетъ понести, сирѣчь епитимію“ ¹⁾. Этимъ считались исполненными всѣ

вилъ на грани архидиакономъ Алексіемъ составленныхъ. 6) Книгу Константина Севаста арменополю помофилака и судіи ессалоницкаго. Къ сему же: 7) Блаженнаго Никона посланія, си есть посланіе окружное. 8) Генадія патріархи константинопольскаго, и с нимъ собраннаго синоду польскаго и с нимъ собраннаго синоду до папы. 9) Посланіе Никифора хартофилака, о власти рѣшенія и вязанія. 10) С-таго Тарасія Патріархи константинопольскаго посланія ко Андріану папѣ римскому. 11) Емануила патріархи константинопольскаго, отвѣты на вопросы видлы епископа. 12) Петра архиепископа александрійскаго и мученика каноны. 13) Отвѣты канонъныи Тимоея святѣйшаго александрійскаго епископа. 14) Номоканонъ Іоанна Постника, и прочая, яке суть множайшая. Сихъ бо стяжавъ и частѣ прочетъ въ духовномъ твоємъ строительствѣ благополученъ и немятеженъ благодатию Христовою будени.—Прочее да вѣста всякъ, яко нѣсть лѣтъ не тоцію іереомъ, но ниже епископомъ противу канonomъ что дерзати и творити, о семъ чти св. Ігнатія и св. Теодора Студіта разсужденіе. 1) да не поставляетца епископъ или іерей паче же духовный отецъ, аще сихъ книгъ не стяжетъ и от нихъ уразумевъ не обрѣтаегся, влѣноту бо речеса ему, врачу исцѣли себе самъ“ (л. 87 об.—88 об.). Въ печатномъ кievскомъ Номоканонѣ 7132—1624 г. этотъ списокъ значительно короче (см. предисловія стр. 3—4): онъ обрывается посланіями Никона (№ 7). Печатный текстъ имѣетъ кромѣ того незначительныя отличія отъ приведеннаго.

¹⁾ „Прощальный списокъ“ мы издаемъ въ приложеніяхъ (I).

обязанности духовнаго отца къ чаду, включая сюда и обязанность учителя.

Церковь требовала отъ духовника учительности, запрещала невѣждамъ браться за трудное дѣло духовничества, а вѣрующихъ наставляла не исповѣдываться „попови немудру“. Но въ жизни было другое. Среди духовниковъ русской древности несомнѣнно было много людей некнижныхъ и несмысленныхъ, которымъ не подобало учить и держать духовныхъ дѣтей. Ихъ была, вѣроятно, даже большая часть и многочисленныя обличенія древнимъ священникамъ за ихъ невѣжество, за то, что они „спятъ невидѣниемъ, ли грубостью, или упивающесея, неправеднымъ собраніемъ, потаквы дѣюще властелемъ“—надо относить и на счетъ духовниковъ. Недаромъ древніе проповѣдники и авторы наставленій восклицали: „о горе тому сынови, отца не слышающу, о горе тому попови, иже не учить дѣтей своихъ, сыновъ и дочерей ¹⁾“; или: „о горе тому попу, иже не учить дѣтей своихъ добре ²⁾“. И конечно не на всякій только случай, а имѣя въ виду живую дѣйствительность, составлялись въ древности на Руси такія строгія правила. „Се же о попѣхъ. Аще иерей не учить дѣтей своихъ духовныхъ, опитеми 10 лѣтъ, да псалтыря говорити по однажды на день ³⁾“. Въ одномъ древнемъ поученіи пастырямъ такъ рисуется небрежность къ своей учительной обязанности со стороны священниковъ, имѣвшихъ право исповѣди. „А мы священницы отъ людей кормлю и одежду приемлемъ. Всегда не трудяся чюжая грѣхы ѣмы; хлѣбъ приймаю отъ людей, небреженьемъ не имамъ книгъ, ни готовыхъ почитаемъ, толико имѣние беремъ: села, кони, различье ризни. Како се зло есть? Еще же и учащихъ ненавидимъ, кто истину повѣдати начлетъ. Пития же и

¹⁾ Ркп. Вол. Б-ки (М. Д. Ак.) № 521, л. 68 об. № 566, л. 521.

²⁾ Тамъ же, л. 285. Сборн. Б-ки гр. Уварова № 339 (64) л. 74 об. Отъ лица Господа обращается къ духовникамъ проповѣдникъ съ обличеніемъ. „Такъ глаголетъ Господь ерѣемъ и книжникомъ, игуменомъ: почто не учите дѣтей своихъ страху Божию?“ Онъ продолжаетъ, что ихъ молитвы въ такомъ случаѣ негодны Господу, какъ „облакъ кровавъ смѣшенъ съ беззаконіемъ“. Проф. Е. Пятусовъ, Матеріалы и Замѣтки по исторіи древней письменности, 65 стр. Ркп. Вол. Б-ки № 521, л. 281.

³⁾ Сборникъ Б-ки гр. Уварова № 579 (936) л. 47.

брашна различна боле простыхъ люди приѣмете, токмо чрева дѣля санъ священнический приемля, а душу на большую пагубу и на лютейшую муку, аще соблазнимъ людей неправдами нашими и пьянствомъ. По истинѣ бо писано есть: невѣжа попъ нерасуденъ и пьянчивъ людямъ соблазнъ и пагуба, якоже Господь рече: пастуси мнози посмрадѣша виноградъ мой, рекше, на зло совратиша люди¹⁾“. Въмѣсто того, чтобы руководиться въ своей практикѣ показаніями книгъ, нѣкоторые духовные отцы, какъ свидѣтельствуется древнее наставленіе, „глаголють отъ своего неразумія отъ грубыхъ человекъ, не почитающихъ святого писанія и преданія святыхъ отецъ, но и молвятъ своею рѣчью отъ грубаго смысла²⁾“. М. Иона прямо заявляетъ въ посланіи къ вятчанамъ: „а духовни ихъ отцы, игумени и попы божественныхъ писаній неискусни сущи, божественныхъ и священныхъ правилъ не вѣдуще³⁾“.

Такова общая картина. Но среди древнерусскихъ духовниковъ встрѣчались и учительные люди, умѣвшіе стать выше другихъ, даже выше уровня, требуемаго церковью. Въ нашей исторіи имѣются примѣры духовниковъ, увлекавшихъ и привлекавшихъ народъ своимъ краснорѣчіемъ и книжностью. Памятникомъ учительной дѣятельности другихъ остаются поученія и посланія къ духовнымъ дѣтямъ, а также произведенія, касающіяся духовнической практики. Сейчасъ мы увидимъ примѣръ учительнаго духовника въ древнерусской обстановкѣ, а потомъ разберемъ въ дошедшихъ до насъ духовническихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Въ концѣ XII и началѣ XIII вв. въ Смоленскѣ прославился своей учительностью духовникъ инокъ Авраамій,

1) Сборникъ XIV в. Б-ки гр. Уварова № 1770 (589) (361) л. 49 и об. ср. Вол. Б-ки (М. Д. А.) № 576, л. 280.

2) *Алмазовъ*, Тайная исповѣдь, III, 268.

3) А. И. I, № 267. Въ одномъ старинномъ поученіи духовника мы встрѣчаемъ такой совѣтъ духовному сыну, имѣющему духовнаго отца невѣжду: „аще ли у тебя отецъ духовной не прозорливъ и мало научить тя на правду, а ты сыну самъ что отъ книгъ разумѣши и ты сыне своею мыслию благою подвигнися на истинный путь къ богу и отъ погибельнаго от злаго пути дьяволя возвратися“. Сборн. XVIII в. Б-ки гр. Уварова № 579 (936), л. 70 и об. Отсюда можно видѣть, какъ по нужтѣ нарушался извѣстный намъ принципъ безусловнаго руководства духовника въ религиозно-правственной жизни его чады.

житіе котораго со словъ очевидцевъ и по собственнымъ воспоминаніямъ написано его ученикомъ Ефремомъ ¹⁾. Сынъ благороднаго и благочестиваго отца, Авраамій былъ отданъ рано учиться грамотѣ и „не... унываше отроча, яко прочая дѣти, но и скорымъ прилежаніемъ извыча“. Жениться онъ не захотѣлъ и принялъ монашество, а послѣ смерти родителей рѣздалъ бѣднымъ свое наслѣдство. Онъ предался чтенію книгъ и подвигу юродства. Жизнеописатель отмѣчаетъ, за какими книгами преп. Авраамій проводилъ дни и ночи. Онъ читалъ житія восточныхъ подвижниковъ Антонія, Иларіона, Евѳимія, Саввы и Θεодосія и уносился своею мыслію къ мѣсту ихъ подвиговъ, въ святую землю. Но любимыми его книгами были творенія святыхъ Ефрема Сирина, Іоанна Злат. и Θεодосія Печерскаго. Изъ отрывковъ прочитанныхъ писаній преп. Авраамій составляетъ сборники, переписывая ихъ собственною рукою или же при помощи писцовъ. Кромѣ того онъ умѣлъ писать иконы и рисовалъ двѣ — страшный судъ и мытарства. Своимъ образованіемъ и дарованіями преп. Авраамій, какъ замѣчаетъ житіе, значительно превосходилъ всѣхъ невѣждъ, взирающихъ санъ священства.

Преп. Авраамій поселился въ Богородицкомъ монастырѣ, называемомъ Селище, въ пяти поприщахъ отъ Смоленска, и скоро прославился своей учительностью. По настоянію игумена, также человекъ книжнаго, Авраамій принялъ санъ священника и получилъ право на исповѣдь. Это было въ княженіе Мстислава Романовича (1197—1214). Въ загородный монастырь изъ Смоленска пошли теперь многіе на исповѣдь и послушать учителя. Это вызвало зависть у монаховъ монастыря и у городскихъ священниковъ. Завистники собирались къ Авраамію, затѣвали споры, желая поймать его на словѣ, но споры кончались ихъ посрамленіемъ. Враги Авраамія распускаютъ о немъ дурные слухи въ городѣ „и вездѣ“, стараясь повредить его популярности. Даже игуменъ монастыря позавидовалъ Авраамію и

¹⁾ Житіе издано въ Пр. Соб. 1858, III не вполне и неисправно. Поправки къ тексту его см. у *Бусинова*, Историч. очерки русской народной словесности, II, 116—122. Критическія замѣчанія о житіи въ кн. *проф. В. О. Ключевскаго*, Житія святыхъ, 52—58 и *проф. В. Е. Голубинскаго*, Исторія I, 1, 610—11.

сталъ на сторону его враговъ. Пять лѣтъ онъ терпѣлъ гоненія отъ игумена, братіи и монастырскихъ рабовъ и ушелъ изъ монастыря только послѣ того, какъ игумень запретилъ ему силой учить народъ. Авраамій перешелъ тогда уже въ самый городъ, въ монастырь св. Креста. Слава его росла. Еще прежде говорили, что Авраамій обратилъ къ себѣ весь городъ; теперь пошло къ нему еще больше народа. Въ чемъ же лежала причина этихъ необыкновенныхъ успѣховъ смоленскаго духовника кн. XIII в.? Главнымъ образомъ въ его „дарахъ слова“, по выраженію житія. Авраамій не любилъ ходить по пирамъ,—чтѣ, какъ мы знаемъ, было въ обычаѣ у доховниковъ древней Руси, потому что на пирахъ было много неудовольствій изъ за мѣсть. Духовныя дѣти сами шли къ Авраамію. Пришедшимъ онъ читалъ свято-отеческія книги, для не понимающихъ толковалъ прочитанное такъ ясно, что всякій могъ повторить наизусть его объясненія. Любимой темой бесѣдъ Авраамія былъ страшный судъ ¹⁾. Его уста не умолкали ко всѣмъ—къ малымъ и великимъ, къ рабамъ и свободнымъ. И онъ такъ увлекалъ „души и смыслъ“ своихъ слушателей, что имъ не хотѣлось уходить. Многіе изъ нихъ выбирали Авраамія въ духовные отцы, иные переходили къ нему отъ другихъ духовниковъ. Покаяльная семья Авраамія была очень обширна—„весь городъ“; въ нее входили князья и бояре съ семействами, рабы и ремесленники.

Но въ смоленскомъ монастырѣ преп. Авраамій прожилъ недолго. Его успѣхи усиливали недоброжелательство смоленскаго духовенства. Почитатели Авраамія, а главное, его духовныя дѣти приносили ему „утѣшеніе на потребу“ и даже больше потребности и свои остатки преп. Авраамій уютреблялъ на украшеніе монастырскаго храма и раздавалъ

¹⁾ *Шваревъ* приписывалъ преп. Авраамію „слово о небеспыхъ слахъ чего ради созданъ бысть человекъ“, которое въ сборникѣ Вол. Б-ки № 574 озаглавляется именовъ „преподобнаго отца нашего Авраамія“, а въ другомъ (№ 529) приписывается Кириллу Философу. (Лекція по исторіи русской словесности, ч. 3, стр. 15--16 и прим. 52) Слово издано *Розовымъ* въ Чт. О. И. и Др 1847 г. № 8 *Пресв. Филаретъ* (въ Обюрь русской цх. литературы) приписывалъ его митр. Кириллу II. Замѣчанія объ этомъ словѣ можно чгтать въ *Исторіи пресв. Макарія*, т. V, 393—405.

объднѣмъ. Городское духовенство лишилось такимъ образомъ значительной части своихъ доходовъ, а это еще болѣе усиливало вражду на Авраамія. Противъ него повели дружную интригу смоленскіе священники и игумены. Житіе упоминаетъ только о трехъ лицахъ изъ духовенства, заступавшихся за невиннаго страдальца ¹⁾. Враги вооружали противъ Авраамія общественное мнѣніе, какъ это дѣлали и раньше, и кромѣ того стали клеветать епископу Игнатію. Его называли еретикомъ, обвиняли въ чтеніи отреченныхъ книгъ, („глубинныя книги“) и въ нечистой жизни. Священники жаловались на то, что Авраамій привлекъ къ себѣ ихъ духовныхъ дѣтей и пользуется уваженіемъ среди оставшихся: „уже наши дѣти вся обратилъ есть, говорили они, друзии же пророкомъ нарицающе“. Клеветники добились суда надъ Аврааміемъ и онъ съ шумомъ приведенъ былъ по улицамъ Смоленска на владыченъ дворъ. Изъ описанія самаго суда въ житіи выходитъ, что онъ былъ смѣсный, т. е. происходилъ при участіи судей духовныхъ и свѣтскихъ. На судѣ особенно ярко обнаружилась вражда духовенства къ Авраамію. Богъ умягчилъ сердце князю и властелемъ, рассказываетъ жизнеописатель, но игуменомъ и іереямъ „аще бо мощно жива его пожрети“. Свѣтскіе судьи признали Авраамія невиннымъ и его обвинителями явились „безчинные попы, яко волю рыкающе“, и игумены. Авраамій былъ осужденъ: ему было запрещено совершать литургію и, вѣроятно, принимать на исповѣдь. Съ двумя учениками его отправили въ прежній монастырь (Селище), гдѣ онъ такъ много терпѣлъ. Рассказывая о пребываніи Авраамія подъ запрещеніемъ, житіе отмѣчаетъ интересныя черты для характеристики епархіальной жизни того времени. Прежде всего, не смотря на запрещеніе, вѣрующіе не перестали ходить на исповѣдь къ Авраамію. Потомъ, когда подъ вліяніемъ доброжелателя Авраамія, священника Лазаря (впоследствии епископа смоленскаго), епископъ Пгнатій сталъ склоняться на сторону Авраамія и запретилъ духовенству гнать его, — епископа не хотѣли слушать его подчиненные.

¹⁾ Разъясненіемъ вопроса о томъ, кто собственно были враги Авраамія занимались *Шевыревъ*, Лекціи по ист. р. слов. III, 14; I (изд. 2-е) 321—22 и *Буслаевъ*, Ист. очерки р. нар. слов. II. 116—118.

Попы и игумены запретили всѣмъ ходить къ преподобному и по дорогамъ къ монастырю, гдѣ былъ Авраамій, поставили мечниковъ. Мечники останавливали и грабили его посѣтителей и это наводило страхъ на многочисленныхъ почитателей преподобнаго. Впослѣдствіи епископъ совершенно примирился съ Аврааміемъ и поставилъ его игуменою своего монастыря и Авраамій попрежнему принималъ къ себѣ на исповѣдь жителей Смоленска.

Эта повѣсть о гоненіяхъ на учительнаго духовника XII—XIII в. со стороны своихъ же собратій очень характерна. Авраамій былъ только книжный человекъ, начетчикъ. Дорожа изреченіями божественныхъ книгъ, онъ составляетъ изъ нихъ сборники, чѣмъ занимались многіе книжные люди древней Руси; если вѣрять его врагамъ, онъ читалъ отреченныя книги, т. е. не умѣлъ къ нимъ критически отнестись. Надъ другими начетчиками его возвышало необыкновенное краснорѣчіе, которое и привлекало народъ. Успѣхи Авраамія въ учительной дѣятельности были причиной его страданій со стороны лѣнливыхъ, невѣжественныхъ, завистливыхъ и жадныхъ игуменовъ и поповъ Смоленска. Здѣсь мы видимъ живую иллюстрацію къ словамъ древняго поученія, обращеннымъ къ священникамъ: „еще же и учащихъ ненавидимъ, кто истину повѣдати начнетъ“. Надо притомъ знать, что Смоленскъ того времени былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ городовъ по развитію книжнаго образованія. И гоненіе, воздвигнутое здѣсь духовенствомъ на учительнаго духовника, можетъ убѣждать въ томъ, что и въ другихъ краяхъ русской земли того времени общій уровень учительности духовниковъ былъ нисколько не выше, а дѣятели, подобные преп. Авраамію, не менѣе рѣдки.

Вслѣдствіе этого мы имѣемъ немного произведеній письменности, принадлежащихъ духовникамъ древней Руси. Эти произведенія можно раздѣлить на два разряда: во-первыхъ, поученія, наказанія или посланія духовнымъ дѣтамъ, во-вторыхъ, записки духовниковъ, касающіяся ихъ практики ¹⁾.

¹⁾ Литературная производительность древнерусскихъ духовниковъ была, несомнѣнно, значительнѣе того, насколько можно ее представить на основаніи принадлежащихъ имъ, какъ авторамъ, и сохранившихся до сихъ поръ писаній. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что никому иному, какъ древнерусскому

Въ первыхъ мы видимъ образцы самыхъ наставленій духовныхъ отцовъ дѣтямъ, вторыя знакомятъ насъ со взглядами духовниковъ древней Руси по основнымъ вопросамъ своей практики, — съ ихъ міросозерцаніемъ. Учительныя произведенія древнерусскихъ духовниковъ, которыми мы будемъ заниматься сейчасъ, представляютъ разныя литературныя формы: то простое письмо, которое касается только частнаго факта въ жизни или поведеніи духовнаго чада и не содержитъ ничего назидательнаго, то учительное посланіе, въ которомъ отсутствуетъ личный элементъ, а чаще эти произведенія совмѣщаютъ въ себѣ и то и другое, являясь наставленіями по частному поводу, здѣсь описанному. Духовническія наставленія, заключающія личный элементъ, вызывались жизнью: нравственнымъ состояніемъ духовнаго чада или цѣлой духовной семьи, или происшествіемъ, вліявшимъ на отношенія ихъ къ духовному отцу. Духовныя дѣти иногда сами просили письменно или устно этихъ наставленій. Въ этомъ случаѣ наставленія духовниковъ являлись отвѣтами на запросы духовныхъ дѣтей. Не представляя ничего выдающагося въ смыслѣ литературномъ прѣдъ обычными древнерусскими поученіями, а въ назиданіяхъ только повторяя ихъ, эти памятники открываютъ внутреннюю жизнь духовной семьи, отношенія между ея главой и членами.

Разсмотримъ частнѣе содержаніе древнерусскихъ духовническихъ наставленій.

духовнику, надо приписать литературные элементы въ древнемъ чинѣ исповѣди, имѣющіе интересъ и историческій: исповѣдные вопросы духовнаго отца кающихся и поновленія (перечисленіе грѣховъ самимъ кающимся), которые вводятъ въ важнѣйшій моментъ дѣятельности духовника и стражаютъ его этическое міросозерцаніе, — предъисповѣдныя увѣщанія, приглашающія вѣрующаго къ чистосердечному покаянію и поисповѣдныя поученія, которыми духовникъ старался начертать только что покаявшемуся сыну кругъ нравственныхъ обязанностей христіанина. Но такъ какъ указанная письменность соприкасается съ сакраментальной стороной духовнической практики, не даетъ никакихъ указаній на своихъ авторовъ и притомъ же имѣетъ своего изслѣдователя (проф. Алмазова, Тайная исповѣдь), — то ея обзорнѣе мы оставляемъ въ сторонѣ. Намъ интересуютъ произведенія, вышедшія несомнѣнно изъ подъ пера древнерусскихъ духовниковъ и характеризующія ихъ только какъ учителей и наставниковъ народа.

1. Въ рукописи XIII стол. сохранилось посланіе духовнаго отца къ сыну, повидимому, только что выбравшему его себѣ „въ отечество“. Оно надписывается: *отъ грѣшного Георгія черноризца Зарубьскыя пещеры повченье къ духовному чаду.....*¹⁾ Духовный сынъ (его имя въ рукописи не разобрано) былъ юноша, принадлежалъ къ богатому классу; умѣлъ читать и не чуждъ былъ любознательности. Георгій, повидимому, не былъ образованъ. Избраніе въ вожди своей юности, простаго старца, въ глазахъ послѣдняго было дѣломъ смиренія духовнаго сына. Оно напоминало зарубскому иноку великое смиреніе Господа, Царя царствующихъ, Который пришелъ не къ властелинамъ, не къ философамъ²⁾, не къ краснымъ лицомъ, а къ убогому пустыннику, „алчному“ и полураздѣтому (Предтечѣ) и преклонилъ ему Свою главу. Но очевидно у Георгія было опасеніе, что его „возлюбленное“ и „сладкое“ чадо ненадежно и можетъ его покинуть для болѣе образованнаго учителя. И онъ выясняетъ свою исключительность въ дѣлѣ духовнаго руководства сына и безповоротность его рѣшенія въ выборѣ духовнаго отца. Если тотъ ищетъ спасенія, а не одного словоизлитія отъ духовнаго отца, то не долженъ искать учителя кромѣ него грубаго, такъ какъ онъ можетъ сказать все нужное для того, чтобы спастись. Если же по гордости онъ обратится къ другому учителю, то однимъ этимъ грѣхомъ погубить свою душу³⁾. Вслѣдъ за этимъ излагаются нравственныя наставленія—памятованіе о смерти и загробномъ воздаяніи; указываются добродѣтели: страхъ Божій, любовь и смиреніе, милостыня яищимъ, заступленіе

1) Посланіе или „повченье“ издапо *Срезневскимъ* въ Свѣд. и зам. о малол. и неизв. памятн. вып. I, 54—57. Издатель высказалъ догадку, что памятникъ можно относить къ домонгольскому времени, но по соображенію недостаточно твердо, — потому именно, что посланіе не упоминаетъ о великомъ бѣдствіи Руси. По въ этомъ личномъ письмѣ весьма естественъ и пропускъ объ общественномъ бѣдствіи. Можно только сказать, что памятникъ не позднѣе XIII в.

2) Въ посланіи Климента Смол. пресвитеру Ѳомѣ подъ именемъ философіи разумѣется искусство толковать эсotericески Священное Писаніе (*Никольскій*, О литер. трудахъ м. Климента Смол., 124). Георгію не причисляетъ себя къ философамъ въ этомъ, вѣроятно, смыслѣ слова.

3) Подлинныя слова посланія мы приводили равьше, — Б. В. февр. 172 стр.

вдовъ и сиротъ, равная любовь ко всѣмъ и храненіе дружной тайны; осуждаются пороки: клятва, зависть и смѣхъ. Но съ особенной насгойчивостью духовный отецъ запрещаетъ своему юному сыну увеселенія, велить бѣгать „скомориха, сла то чъхаря и гудця и свирця“ и не вводитъ ихъ въ домъ свой, потому что любящій эти забавы—язычникъ и не имѣетъ ничего общаго съ христіанами. Онъ краса и радость бѣсящихся отроковъ. Христіанскія гусли, разсуждаетъ духовный отецъ,—прекрасная доброголасная псалтирь, пѣснь славословія „со ангелы ны совокупающая“. Потребности духовнаго сына въ весельи и утѣхѣ могутъ удовлетворить животворныя книги, повѣсти о святыхъ мужахъ: объ ихъ ученіи, дѣлахъ и страданіяхъ. Читая эти книги, онъ будетъ подражать пчелѣ, собирающей медь съ разныхъ цвѣтовъ. Таково содержаніе древняго духовническаго посланія къ духовному сыну, только что вступившему въ покаяльную семью зарубскаго пещерника.

2—3. Извѣстны два посланія, вызванныя заботливостью духовниковъ о спасеніи порочныхъ духовныхъ чадъ и о нормальныхъ отношеніяхъ чадъ къ нимъ—духовнымъ отцамъ. Посланіе „къ Божію слузѣ (вар. приб. великому князю) Дмитрію отъ многогрѣшнаго черница Іакова“, имѣющее надписаніе: „нѣкоего отца ко духовному сыну“¹⁾ и другое, озаглавливающееся въ позднихъ спискахъ: „наказаніе отца

¹⁾ Посланіе Іакова сохранилось въ двухъ кормчихъ XVI в. Румянцевскаго Музея №№ 233 и 234. Напечатано преосв. Макаріемъ, Исторія р. церкви, изд. 2 е т. II, стр. 339—342. Тамъ же читатель найдетъ и обстоятельное изложеніе памятника (стр. 156—158). Авторомъ посланія вѣдѣтъ за *Погодинъ* (Изв. Ак. Н. по отд. рус. яз. и слов. I, 332) преосв. Макарій признаетъ извѣстнаго Іакова мниха, современника преи. Θεοδοσία, автора *Шошалы великому князю Владиміру* и *Сказанія о страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ*. Слугою Божіимъ Дмитріемъ, которому адресовано это посланіе, они считаютъ великаго князя Ізяслава Ярославича, носившаго христіанское имя Дмитрія. Къ этому предположенію склоняется и *проф. Е. Е. Голубинскій* (Исторія I, стр. 615—616). Но при помощи наличныхъ списковъ посланія и данныхъ объ Іаковѣ мнихѣ рѣшить эти вопросы съ увѣренностью невозможно. Во всякомъ случаѣ Дмитрій былъ человѣкъ именитый. „Имя бо велико, говорится въ концѣ посланія, не введетъ въ царство небесное“. Языкъ памятника, по общему признанію, свидетельствуетъ о глубокой древности и не прелятываетъ относить его къ XI стол., когда жилъ извѣстный Іаковъ мнихъ, предполагаемый авторъ посланія.

духовнаго къ дѣтямъ о пьянствѣ“, въ древнемъ— „благословеніе отца къ сыновѣ“.

Произведеніе черница Іакова явилось отвѣтомъ на посланіе Димитрія. Посланіе духовнаго сына было „вельми смиренно и жалостно слышати“: онъ испрашиваетъ прощевія у духовнаго отца за какія то обиды, причиненныя ему. Отецъ съ радостью прощаетъ раскаявшагося сына. „А что ся дѣяло про мене“ (что сдѣлалось относительно меня), пишетъ Іаковъ, „того всего простить ты Богъ, всего міра грѣхы вземый, и отъ тайныхъ твоихъ очиститъ ты“. Когда прежде забыто и прощено, онъ совѣтуетъ Димитрію, быть бодрымъ стражемъ тѣлу своему, осуждаетъ запойство, гордость и блудъ („беззаконный смѣсъ“). На послѣднемъ грѣхѣ Іаковъ останавливается съ особенной обстоятельностью, приводитъ противъ него и слова писанія и примѣры ветхозавѣтныхъ мужей. Іаковъ предписываетъ духовному сыну жить честно и чисто съ своей женой. И по всему видно, что Димитрій былъ плохой семьянинъ. Это то обстоятельство, а также запойство и гордость Димитрія и были, кажется, причиной обиды духовному отцу или стояли съ ней въ связи. Далѣе идетъ рядъ наставленій, изъ которыхъ надо отмѣтить слѣдующее: „а ты храмлящая о вѣрѣ научи и ноги текущихъ на игры къ церкви обрати“. Въ концѣ излагаются мотивы посланія. „Се не ласкаяся тебѣ (т. е. написалъ) явити хотя что вѣдая или самъ что добро твоя, — Сердцевѣдецъ есть Богъ—но отъ любви и отъ печали о души твоей, абы ты на добро успѣлъ“.

„Наказаніе отца духовнаго“ о пьянствѣ также древній памятникъ, не позднѣе XIV стол. и представляетъ собой посланіе къ человѣку, котораго называютъ опустившимся ¹⁾. Неизвѣстный по имени духовный сынъ, повидимому, знатное лицо, и можетъ быть, князь страдать пьянствомъ ²⁾. Духов-

¹⁾ Это посланіе мы издаемъ въ приложеніи II по сборнику XIV в. изъ библиотеки гр. Уварова.

²⁾ Предположеніе ученыхъ, что посланіе писано къ значительному лицу и можетъ быть князю (*Горский и Невоструевъ*. Оп. рукоп. Сиб. В-ки, 2, 3, стр. 84 А. *Попова*, Опис. рукоп. и кагал. кн. цер. печ. В-ки Хлудова, стр. 69),—сдѣланное ими на основаніи производной редакціи памятникъ (въ Изумрагѣ и Златоустѣ), подтверждается редакціей первоначальной. Описывая напрасную смерть пьяницъ, авторъ отказывается говорить о

ный отецъ его, также неизвѣстный по имени, написалъ ему „мало о зломъ пьянствѣ“, но тотъ не послушалъ. Теперь пишется второе посланіе. Шель великій постъ, но духовный сынъ, побѣжденный своимъ порокомъ, жилъ какъ всегда. Духовный отецъ описываетъ великую пагубность пьянства по отношенію къ лучшимъ людямъ человѣческаго общества „великимъ мужамъ“: угодникамъ Божиимъ, царямъ, святителямъ, сильнымъ, храбрымъ и здоровымъ. Не желая вспоминать о простыхъ людяхъ, погибшихъ отъ вина, онъ указываетъ только на князей, умершихъ рано, больше 30 лѣтъ не дожившихъ до предѣла человѣческой жизни. Краснорѣчиво описываетъ духовникъ пагубныя послѣдствія этого порока для души и тѣла человѣка, въ особенности для спасенія его души, и обращается къ сыну съ мольбой перестать пьянствовать, пощадить если не себя, такъ его, духовнаго отца, котораго печалитъ безмѣрное пьянство сына и будетъ тяготить до тѣхъ поръ, пока сынъ не переменится. Въ видахъ содѣйствія этой переменѣ духовный отецъ своєю властью налагаетъ на него заповѣдь — этимъ великимъ постомъ вплоть до Воскресенія Христова воздерживаться отъ вина. Въ оправданіе своей заповѣди онъ приводитъ и каноническое основаніе, именно то, что святые отцы заповѣдали не нарушать поста и не пить вина даже ради памяти мучениковъ. Посланіе заканчивается добрыми пожеланіями сыну.

4. Въ рукописи XVI вѣка сохранилось небольшое посланіе, точнѣе *письмо (безъ заглавія) духовника къ сыну духовному*, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній, неизвѣстно почему, оставилъ его и просилъ дозволенія перейти къ другому духовному отцу ¹⁾. Оставлять духовника было, какъ извѣстно, нарушеніемъ обычая; поэтому авторъ письма чувствуетъ себя обиженнымъ. Упреки покинувшему его сына здѣсь смѣняются великодушнымъ прощеніемъ за все, что было между ними. „Вышелъ ты изъ своего обѣщанія безъ благословенія, пишешь духовникъ сыну, а теперь сильно сокрушаешься, просишь прощенія и

простыхъ людяхъ и упоминаетъ только о князьяхъ. Посланіе онъ заключаетъ къ тому же слѣдующими словами: „Да Богъ подастъ ти здравіе и спасеніе *цестъ и власть* на земли и часть царства небеснаго“.

¹⁾ Это письмо мы печатаемъ въ приложеніи III.

отпущенія къ другому отцу духовному. Но я несогласенъ на это, чтобы ты помншь, что переходить безъ благословенія непохвально. И я не рѣшалю благословить тебя или не благословить, полагая это на Божій судъ: если дѣло богоугодное, оно благословенно, въ противномъ случаѣ Богъ знаетъ“. Отказавъ такимъ образомъ духовному сыну въ правѣ уйти совершенно изъ подъ своей власти, духовный отецъ позволяетъ ему ходить къ другимъ на исповѣдь, если это будетъ ему удобно въ отношеніи разстоянія и полезно для души, и — спастся какъ можетъ. Онъ проситъ прощенія у своего вѣроломнаго сына, призывая въ свидѣтели Христа, что все говорилъ онъ и дѣлалъ, имѣя въ виду только его душенную пользу. „А въ моемъ тебѣ Богъ проситъ и здравствуй Бога ради ия тебя благословляю“, — такими словами заканчивается письмо.

5. Намъ извѣстно одно только духовническое поученіе, рисующее отношеніе духовнаго отца ко всей покаяльной семьѣ: „*поученіе святыхъ отецъ къ дѣтємъ духовнымъ*“¹⁾. Поученіе содержитъ указаніе на то, какъ сильно было язычество на Руси его времени, какъ въ праздничные дни игрища привлекали больше народа, чѣмъ храмы. Отсюда можно заключать или то, что памятникъ относится къ глубокой русской древности, или же, — что онъ явился позднѣе (до XVI в. включительно) на какой — нибудь русской окраинѣ, гдѣ язычество держалось долго. Въ его языкѣ есть особенности и древнія и областныя.

Отношенія главы и членовъ духовной семьи представляются по поученію въ довольно любопытномъ видѣ. Глава непослушной и распущенной семьи видимо и самъ былъ небезупреченъ. Когда онъ начиналъ обличать дѣтей, они говорили ему въ свое оправданіе: „чему насъ не учиши въ

1) Поученіе издаемъ въ приложеніи IV по единственно извѣстному намъ списку въ рук. XVI в. Имп. Пуб. Б-ки, Древлехранилища Ногодина № 1590. Оно, кажется, не имѣетъ конца въ рукописи. А. И. Бычковъ въ Описаніи сборниковъ И. И. Б-ки (стр. 220) говоритъ о нашемъ памятникѣ: „русское, какъ кажется, сочиненіе“. — Покойный Срезневскій ссылался на „*поученіе духовнымъ дѣтлмъ*“, находящееся въ сборникѣ г. Бологова. Арх. Истор.—Юрид. свѣдѣній II, I. „Роженицы“ стр. 104. Но этой рукописи у насъ не было и содержаніе поученія намъ неизвѣстно. Можетъ быть это второй памятникъ того же рода.

церкви, ради быхомъ тебе слышали; ажь ты учиши насъ на трапезе, коли намъ нити и ясти (т. е. въ то время, когда мы пьемъ и ѣдимъ)... почто ны еси не учишь тогда, а мы ради быхомъ слышати твоего ученія“. Ясно, что духовный отецъ не отличался охотой къ учительству и ограничивался разглагольствіями за столомъ на пирахъ, при обстановкѣ, которая не располагала его дѣтей къ слушанію и назиданію. И дѣйствительно, его никто не слушалъ. Обращаясь теперь къ духовнымъ дѣтямъ съ поученіемъ, отецъ то укоряетъ ихъ за недостатки, то оправдываетъ себя, увѣряя въ заботливости объ ихъ спасеніи, то наконецъ разъясняетъ учительную обязанность духовника, которую другіе духовники его времени понимали слишкомъ узко.

Авторъ былъ вызванъ писать свое поученіе, повидимому, обычаемъ своихъ духовныхъ чадъ посѣщать игрища, надъ тѣмъ смѣялись язычники: „бѣжите игрищъ, да не смѣются вамъ поганіи“, говоритъ онъ въ началѣ своего поученія, а потомъ указываетъ недостатки дѣтей, присущіе всему русскому обществу древности, и обычно отмѣчаемые древними проповѣдниками—мздоимство, рѣзоиманіе, грабежь, волхование, воровство, разбой и прелюбодѣяніе. Дѣти жаловались на автора, что вмѣсто назиданія въ церкви онъ учитъ ихъ на пирахъ. Но онъ отвѣчаетъ, что на обязанности духовнаго отца лежитъ „учити на трапезѣ и на улицахъ“, а дѣти должны безразлично приходиться для назиданія, принимать его къ сердцу и проливать слезы. Что касается учительства въ церкви, духовникъ не считаетъ его подходящимъ къ правамъ своей духовной семьи. Его духовныя дѣти если и приходили въ воскресенье „къ церкви“, то только за тѣмъ, чтобы весело провести время. Изъ поученія, кажется, слѣдуетъ, что вѣрующіе даже не заходили въ храмъ, а около него затѣвали забавы („конуны“), игры, ссоры, клеветы и укороженіе другъ на друга, пьянство и объяденіе. Имъ было не до того, чтобы слушать пѣніе и ученіе святыхъ книгъ ¹⁾. А тѣ изъ христіанъ, которые попадали въ

¹⁾ Эта картина напоминаетъ слѣдующее мѣсто изъ „слова о вѣрѣ и казняхъ Божіихъ“, которое (слово) лѣтписецъ и преп. Феодосій Печерскій примѣняли къ русскимъ христіанамъ XI в. „Видимъ бо игрища утолочена и людей много множество на нихъ, яко унхати начнууть другъ друга, по-

храмъ, осуждали другихъ: изъ церкви они шли въ дома свои „не съ милостію Божіею, но со гнѣвомъ“, принося Богу хулу вмѣсто хваленія. „Ангели плачутся вашему безумію, а бѣси радуются со отцемъ своимъ сатаною нашему перазумію“. Называя дѣтей своихъ „безумными человѣками“, духовный отецъ признается, что если они будутъ и напередъ вести себя такъ, то онъ безсиленъ что - нибудь сдѣлать для ихъ наученія. Они не слушали святыхъ книгъ, поступали по своей волѣ и ему было бы пріятнѣе видѣть дѣтей своихъ заживо погребенными, чѣмъ поступающими такимъ образомъ.

Далѣе авторъ обращается къ современнымъ духовникамъ и продолжаетъ свою рѣчь отъ ихъ лица. Духовные отцы радовались и сочувствовали хорошему среди вѣрующихъ, но не любили слушать о разныхъ недостаткахъ ихъ. „Намъ о томъ попомъ хула будетъ отъ Бога“—замѣчаетъ авторъ. При случаѣ какой-нибудь духовникъ успокоивалъ себя тѣмъ, что извѣстный грѣшникъ не принадлежитъ къ его духовной семьѣ и не на его обязанности лежитъ его наученіе. Но эта отговорка была не основательна. Ради своего спасенія попомъ обязанъ извлекать изъ бездны зла всякаго человѣка, потому что онъ отецъ всѣмъ, а не дѣтямъ только духовнымъ: старому и молодому, богатому и убогому. Духовному отцу приходитъ сильная печаль, когда онъ не видитъ добрыхъ поступковъ со стороны духовныхъ дѣтей своихъ, сердце его „болитъ вельми“. Дѣтямъ не видно этой сердечной болѣзни, но хуже ея и больнѣе отцу ихъ непослушаніе, когда отъ стыда или изъ боязни выговора они не открываютъ своихъ грѣховъ. Онъ совѣтуетъ дѣтямъ сказывать свои грѣхи на исповѣди, а „попомъ убо учитель разумный вѣсть, како твоя язвы грѣховныя исцелити, а тебе безъ печали сотворити, дабы инъ не возрѣлъ лютыя твоя язвы и злаго грѣха“.

Авторъ увѣряетъ, что говорить все это не для похвалы себѣ, но желая имъ-дѣтямъ спасенія, а себѣ радости; просить ихъ вѣрить, какъ онъ объ нихъ заботится,—о спа-

зору дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять: егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви“ (По дѣтоп. Лавр. сп., изд. Спб. 1872, стр. 166, ср. *Срезневскій*, Свѣд. и зам. вып. III, 38).

сеніи дѣтей онъ печется больше, чѣмъ о своемъ. Онъ плачетъ объ ихъ злѣ, забывая свою радость, и забываетъ зло свое, когда узнаетъ объ ихъ добрыхъ дѣлахъ, „зане есте друзи миліи“, — объясняетъ отецъ своимъ дѣтямъ эту заботливость и сочувствіе. Онъ знаетъ, что его личныя добродѣтели не спасутъ его, если онъ не спасетъ стадо Христово дѣтей своихъ. „Аще быхъ азъ велми добръ, то кая ми помощь отъ Бога, аще васъ стадо Христово дѣти своя погублю? како лицемъ стану предъ Богомъ? или на что ся надѣяти? которая ми будетъ честь?“ Ужь конечно онъ не избѣгнетъ вѣчной муки оправданіемъ: „не дѣти суть (т. е. духовныя), почто ми ихъ учити“. Самая злая мука ожидаетъ того духовника, который не учитъ своихъ дѣтей душевныхъ и всѣхъ людей закону Божию. Но если дѣти не захотятъ слушать его ученія и святыхъ книгъ, „не отвѣщати попови за то“: они сами за себя дадутъ отвѣтъ Богу.

На этой мысли и обрывается разбираемый нами памятникъ. Онъ описываетъ такой моментъ церковно-исторической жизни, когда духовникъ только завоевывалъ себѣ то высокое положеніе, которое обычно имѣлъ въ древней Руси, завоевывалъ въ борьбѣ съ необузданностью и своеволіемъ полуязыческаго общества. Только неизвѣстно, было ли это въ началѣ христіанской исторіи Руси, или же происходило въ болѣе позднее время, но въ какой пибудь глухой окраинѣ Руси среди смѣшаннаго населенія. Но и поученія духовниковъ, обращенныя къ одному изъ дѣтей и рассмотрѣнныя выше, описываютъ въ сущности ту-же самую борьбу духовныхъ руководителей древнихъ русскихъ христіанъ съ ихъ грѣхами и своеволіемъ: въ ней, въ этой борьбѣ, заключается самая стихія духовнической дѣятельности всѣхъ мѣстъ, временъ и эпохъ. Въ этомъ и состоитъ, по нашему мнѣнію, ихъ назидательное и церковно-историческое значеніе.

6. Не меньшее нравственное и кромѣ того дисциплинарное вліяніе на древне-русское общество имѣли духовническія посланія и поученія, лишеныя личнаго элемента. Они очерчивали духовнымъ дѣтямъ опредѣленный кругъ нравственно-дисциплинарныхъ нормъ и заключали въ этотъ кругъ человеческую волю. Это не назиданіе въ собственномъ смыслѣ,

которое можно принимать или не принимать въ зависимости отъ настроенія, это обязательное предписаніе, „заповѣдь“ духовнаго отца, посредника между вѣрующимъ и Богомъ, истолкователя Высшей воли, выраженной въ Божественныхъ книгахъ, и отвѣтчика за нравственное состояніе вѣрующаго на страшномъ судѣ. Такія поученія приближаются по своему содержанию къ поисповѣднымъ поученіямъ. И возможно, что значительная часть послѣднихъ возникла путемъ передѣлки частныхъ наставленій, обращенныхъ какимъ-либо духовнымъ отцомъ и къ кому-либо изъ дѣтей. Такой примѣръ представляетъ „поученіе нѣкоего старца къ дѣтѣмъ духовнымъ“, обращенное къ одному лицу и встрѣчающееся въ рукописяхъ съ конца XV в. ¹⁾.

По содержанию своему это поученіе представляетъ рядъ безхитростныхъ наставленій, очерчивающій съ разныхъ сторонъ образъ жизни древнерусскаго порядочнаго христіанина и изложено въ видѣ заповѣди. Духовному сыну заповѣдуются слѣдующія религіозныя обязанности: бояться Бога и чтить святыхъ, избѣгать игрищъ бѣсовскихъ, ходить неопустительно въ церковь, а въ случаѣ ея отдаленности править службы дома, честно проводить праздники „съ милостынею и съ свѣщами и съ просфирою и съ темьяномъ (еиміамомъ)“ успокаивать въ праздникъ раба отъ дѣла, а самому воздерживаться отъ пьянства. Повторивъ снова обращеніе „се сыне и господине заповѣдаю ти“, духовный отецъ преподаетъ

¹⁾ Мы его издаемъ въ приложеніи V.—Инокъ Ефремъ, авторъ житія Авраамія смол., (XIII в.) дѣлаетъ ссылку на „повѣсть нѣкоего отца духовнаго къ сыну духовну“, изъ которой и приводитъ выдержку: „корабль есмь мы, кормникъ же Богъ всего міра“... Въ приведенномъ отрывкѣ говорится противъ осужденія ближняго и о томъ, что пріявшаго благодать отъ Бога и даръ поученія весь міръ не можетъ оскорбить. Издатель житія (Прав. Собес. 1858 г. 3, 380) утверждаетъ въ примѣчаніи, что эта повѣсть встрѣчается въ Златой Чѣтѣ XIV в. Но это неправда. Тамъ есть очень распространенное въ древней письменности „слово нѣкоего отца къ сыну своему слово душеполезно“ (Издано по Зл. Чѣтѣ въ Москвитянинѣ 1851 № 6, проф. Пономаревымъ, Памятники III вып.). Но это—слово отца плотскаго къ родному сыну, хотя и озаглавивается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ словомъ отца духовнаго, и отрывка, приведеннаго въ житіи XIII в., не содержитъ. Такимъ образомъ, иннокъ Ефремъ ссылается на какой-то неизвѣстный намъ памятникъ древней письменности, представляющій, судя по заглавію, произведеніе духовника, а судя по приведеннымъ изъ него словамъ, произведеніе чисто учительнаго содержанія безъ личнаго элемента.

сыну краткія наставленія относительно поведенія его въ человѣческомъ обществѣ: не ссориться, не упиваться, не спаивать другихъ, потому что въ „писаніи“ за это положено 7 дней епитиміи, помогать нищимъ, нагимъ, больнымъ и заключеннымъ въ оковы: „все то Богу въ рудѣ влагасши“,—любить враговъ и въ мирѣ со всѣми ходить въ церковь. Въ семейной жизни предписывается почтеніе къ родителямъ, „законное“ сожитіе съ своей женой: „среды и пятка и суботы и недѣли стрезися, выражается на этотъ счетъ духовный отецъ, и господскихъ и пречистыя Богородица и святыхъ бо праздникъ блюдися“. Въ отношеніи къ низшимъ членамъ семьи и дома дается такое предписаніе: „дѣти же свои и челядь свою учи страху Божию, отъ блуда и шланства и татбы и всего зла вели блюстися имъ, а къ церкви вели имъ ходити“. Изъ наставленій соціально-нравственнаго характера поученіе содержитъ довольно обычныя „сусѣда не обиди, вдовицы призри“, „кунъ въ рѣзы (денегъ подъ проценты) не давай“. Священниковъ заповѣдается чтить и не осуждать за грѣхи: „а черныя и бѣльця не осуждай, аще и своима очима кого видиши согрѣшающыи, не осуди его, да не будеши причастникъ грѣху тому“. Двумя чертами поученіе отмѣчаетъ отношенія вѣрующаго къ духовному отцу—частое обращеніе къ нему въ случаѣ нужды и исправное исполненіе епитиміи. Такимъ образомъ, это краткое поученіе имѣетъ въ виду обнять жизнь вѣрующаго со всѣхъ сторонъ.

7. Ту-же задачу имѣетъ одно духовническое произведеніе болѣе пространное: *Поученіе и бесѣда отца духовнаго къ дѣтелямъ духовнымъ отъ словесъ Иоанна Златоуста и отъ правилъ св. отецъ*¹⁾. Это обширное произведеніе представляетъ собой примѣрное наставленіе духовника къ

¹⁾ Сборникъ XVIII в. В-ки гр. Уварова № 579 (936) л. 67 об. 106. Нач. „Желаю любимиче спасенія твоего“... Мыне издаемъ поученія, такъ какъ оно обширно и представляетъ компиляцію. Поученіе старѣе рукописи, такъ какъ въ концѣ приписано „списывалъ стенавъ“ (л. 71 об.). Одно наставленіе гласитъ: „а царю и великому князю вельми добро мысля. . а гдѣ про государя услышиши злое мншеніе и тощету въ государевѣ казни и ты сыну поведай отцу духовному или вельможи или вѣстелю, подѣ которую властію живешы“ (72 л. об.). Отсюда слѣдуетъ, что памятникъ относится къ довольно позднему времени, XVII—нач. XVIII в.

сыну, „малое писаніе“, которое было бы „довольно положить на сердца своемъ“ духовному сыну ¹⁾). Возникло оно не по частному случаю, адресовано не къ опредѣленному лицу, такъ какъ авторъ обращается то къ чаду любимому, то къ брату, даетъ совѣты на случай „аще еси сыну холостъ, аще ли сыну женать“ ²⁾). Нравственныя и житейски—практическія наставленія собраны въ поученіе съ разныхъ сторонъ, какъ на это указывасть его надписаніе и сознаніе самого автора, что онъ изобразилъ „сія отъ святыхъ книгъ, а не отъ своего разумія“ ³⁾). Дѣйствительно, авторъ заимствуетъ свой матеріалъ изъ поученій и посланій древности, изъ наставленій кающемуся и исповѣдующему, изъ исповѣдныхъ вопросовъ и поновленій ⁴⁾). Плана нѣтъ никакого, изложеніе беспорядочное, незамѣтно и общей мысли я трудно передать содержаніе памятника. Надо только отмѣтить, что кромѣ обычныхъ наставленій о постѣ, молитвѣ и милостынѣ здѣсь немало житейскихъ совѣтовъ, напр. не пить на пиру какъ у себя такъ и у вельможъ и не величаться въ пьяномъ видѣ, не ходить съ корчму, не лазить на дерево, не отправляться въ путь безъ посоха, во время грозы засвѣчать предъ иконами свѣчи, не рѣзать скоть въ воскресенье и не мочиться на востокъ и западъ. Составитель совершенно безъ критики относится къ книгѣ и можно повѣрить его признанію о себѣ, что онъ „несмысленъ словомъ и мутенъ умомъ“ ⁵⁾).

8. Но древнерусскіе духовники писали наставленія и чисто дисциплинарнаго характера. Изъ нихъ извѣстны четыре посланія Іосифа волоколамскаго подъ такимъ заглавіемъ: *четыре посланія Іосифовы о ститиміяхъ къ вельможамъ, въ міръ живущимъ, дѣтемъ его духовнымъ* ⁶⁾). Преп. Іосифъ былъ однимъ изъ учительнѣйшихъ и очень популярныхъ духовниковъ своего времени. Поселившись въ волоколамскихъ предѣлахъ и прославившись строгостью

¹⁾ Тамъ же, л. 71 об.

²⁾ л. 73 об.

³⁾ 71 и 105 лл.

⁴⁾ Начало поученія заимствовано изъ разобранныя нами „наказанія о пьнствѣ“ по редакціи Измарага и Златоуста.

⁵⁾ л. 71.

⁶⁾ Посланія издаются нами въ приложеніи VI.

своей жизни и поразительной пачитанностью, Іосифъ скоро сдѣлался духовнымъ отцомъ мѣстной аристократіи: „и мнози князи и бояре приходяще къ игумену Іосифу на покаяніе“¹⁾. Его выбралъ въ духовные отцы себѣ братъ великаго князя Ивана III Борисъ Васильевичъ, часто приходилъ къ нему па исповѣдь и другой братъ, князь Юрій. Нѣкоторые изъ волоколамскихъ бояръ „иже отъ палаты княжа“, изъ воеводъ и „воиновъ честныхъ“ просили также Іосифа быть духовнымъ отцомъ ихъ²⁾. Къ нему стремились на исповѣдь и женщины. Но волоколамская обитель была невходна женамъ и преп Іосифъ не хотѣлъ нарушать этого обычая. Это однако не помѣшало женщинамъ имѣть его своимъ духовнымъ отцомъ. Между волоколамскимъ игуменомъ и его духовными дочерьми установились своеобразныя сношенія: жепщины исповѣдаютъ Іосифу грѣхи свои письменно и съ радостью принимаютъ его отвѣтъ, не умѣвшія писать сказывали свои грѣхи домовымъ священникамъ и посылали ихъ къ Іосифу³⁾. Преп. Іосифъ отвѣчалъ на письменныя или устныя просьбы своихъ духовныхъ чадъ обоего пола и писалъ имъ посланія. Памятникомъ его письменныхъ сношеній съ духовными дѣтьми и остаются четыре посланія къ вельможамъ.

Посланія адресованы духовнымъ дѣтьми, которыя несли епитимію, наложенную Іосифомъ, почему и трактуютъ объ этомъ предметѣ. Два изъ нихъ были вызваны просьбами самихъ дѣтей: одинъ вельможа прислалъ преп. Іосифу свою грамоту и „велѣлъ“ ему отписать о томъ, какъ поститься, какъ молиться, какъ творить милостыню и какъ прикасаться къ святынямъ, т. е. какъ исполнять епитимію; другой устно въ разговорѣ съ Іосифомъ просилъ его написать объ этихъ предметахъ. Посланія представляютъ образецъ устава объ епитиміяхъ, котораго держались строгіе духовные отцы древней Руси. Не смотря на удивительную суровость запрещеній, здѣсь описанныхъ, мы признаемъ ихъ типичными для нашихъ древнихъ духовниковъ, предполагая, что стро-

¹⁾ Два житія при. Іосифа и надгробное слово, изданныя *А. И. Невоструевымъ* въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія 1862 г., кн. 2, стр. 22.

²⁾ Тамъ же, 95, 141, 96—97.

³⁾ Тамъ же, 113—114.

гій волоколамскій игуменъ поступалъ въ данномъ случаѣ по общепринятому уставу, а не создавалъ его самъ. Характерны для Іосифа и его направленія въ этихъ посланіяхъ только нѣкоторыя выраженія принципіальнаго свойства, комментировавшія уставъ, да частности въ его работкѣ.

Сроки епитимій, по сообщенію Іосифа вол., очень продолжительны: за большіе грѣхи епитимія доходятъ до 15 лѣтъ и больше и Іосифъ не упоминаетъ епитиміи менше одного года. Одинъ изъ его вельможъ, которому писано посланіе, несъ четырехъ лѣтнюю епитимію, другой трехъ-лѣтнюю. Впрочемъ, эти сроки не имѣли безусловнаго характера. Духовный отецъ, видя усердіе сына, могъ и сокращать срокъ. Епитимія состояла въ постѣ и молитвахъ, въ удаленіи отъ святыни и сопровождалась милостыней. И все это было рассчитано и размѣрено съ большою точностью. Въ *нищѣ* предписывается въ три дня недѣли (понедѣльникъ, среду и пятокъ) сухояденіе, т. е. хлѣбъ или калачъ съ водою или квасомъ. Только въ случаѣ невозможности допускалось въ эти дни вареніе безъ масла. Во второмъ посланіи кромѣ этого запрещается мясо въ два скоромныхъ дня недѣли—во вторникъ и четвергъ и точно указаны предметы питанія на великій постъ и другіе. Изъ напитковъ Іосифъ разрѣшаетъ квасъ, брагу и медъ „по нашему обычаю“, но запрещаетъ пьянство, отъ котораго „вся злая ражаются“. Постъ ослаблялся въ праздники. Въ субботу и воскресенье, а также въ сплошныя недѣли разрѣшалось на все.—Несшій епитимію, долженъ былъ строго выполнять *правило о молитвѣ*. Ежедневно кромѣ субботы и воскресенья положено четыре каѳизмы; въ эти дни вмѣсто каѳизмъ два канона и часы. Каждый день нужно было выполнить 100, 200 или 300 поклоповъ, прочесть 600 или 1000 молитвъ Іисусовыхъ ¹⁾. А неграмотные замѣняли чтеніе каѳизмъ тысячью двумя стами тѣхъ же молитвъ. Но болѣе домашняго правила слѣдовало заботиться о посѣщеніи церковной службы и „аще къ которому пѣнію не поспѣется къ церкви“, нужно было восполнять пробѣль домашней молитвой.—

¹⁾ Цифры мѣняются въ разныхъ посланіяхъ, т. е. для разныхъ духовныхъ дѣтей преп. Іосифа.

Епитимія удаляла человѣка отъ *святыхъ*. Прежде всего ему запрещалось приступать къ причащенію св. Таинъ до исхода срока епитиміи. Только при опасности смерти допускали его къ великому таинству, чтобы въ случаѣ выздоровленія онъ продолжалъ свою епитимію. Пещему епитимію безусловно воспрещалось вступать въ алтарь. Ему нельзя было ходить къ антидору, брать хлѣба Богородицы, ѣсть вынутую просфору. Это дозволялось только въ самые великіе дни церковнаго года.—Кромѣ всего этого кающемуся человѣку предписывается *милостыня* по силѣ.

Въ посланіяхъ „объ епитиміяхъ“ довольно характерно отразилось общее направленіе Іосифа волоколамскаго и его школы: внѣшній взглядъ на человѣческой подвигъ, мысль о безусловности церковнаго устава, разработаннаго притомъ здѣсь до мелочности. Впрочемъ нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что тѣ же самые взгляды въ большей степени, чѣмъ отчасти, раздѣляли духовники древней Руси, стоявшіе и внѣ связи съ „осифлянами“, съ направленіемъ, только выразившимъ послѣдовательно идеалъ московскаго благочестія. Предписывая правила о постѣ, Іосифъ выражается: „а кто не постится въ среду и въ пятокъ, таковой равень есть людемъ (іудеямъ?), которые Христа распяша“. Здѣсь ясно представленіе о безусловномъ значеніи церковнаго устава о пищѣ. Его исполненіе казалось Іосифу самостоятельнымъ христіанскимъ подвигомъ. Вотъ почему волоколамскій игумень придумываетъ оригинальное и очень послѣдовательное для него субъективное настроеніе у подвижника воздержанія: постясь онъ терпѣль. Предписывая одному изъ духовныхъ дѣтей своихъ не ѣсть мяса по вторникамъ и четвергамъ, Іосифъ добавляетъ: „а будетъ невозможно, ино мясо ясти, зазирая и укоряя себе, яко нетерпѣлива суца, не могуща ни малаго сего потерпѣти“. Тоже онъ повторяетъ и другому по поводу запрещенія рыбы въ четвергъ и вторникъ трехъ постовъ кромѣ великаго: „а за нужю рыба ясти, укаяря себе, якоже нетерпѣлива суца“. Здѣсь преп. Іосифъ очевиднымъ образомъ опускаетъ изъ вида слова апост. Павла: „а сомнѣвающійся, если ѣсть, осуждается, потому что не по вѣрѣ; а все, что не по вѣрѣ, грѣхъ“ (Римл. XIV, 23).— Своимъ правиломъ о молитвѣ Іосифъ перелагаетъ на сотни

молитвъ и поклоновъ религиозное чувство вѣрующаго. Правило, исполненное имъ, представлялось русскому подвижнику какъ бы капиталочъ, подлежащимъ накопленію и точному учету. Каоизмы для неграмотнаго вѣрующаго замѣняются молитвами Инзусовыми, пропущенная церковная служба — домашнимъ правиломъ, которое можно было выполнить въ какой-нибудь удобный день, „или милостыня по силѣ за то дати“. Милостыня же идетъ за пропущенное дневное правило, причемъ правило постнаго дня оплачивается въ два раза дороже, чѣмъ правило дня скоромнаго. Вельможѣ, которому адресовано третье посланіе и котораго Іосифъ называетъ, „великимъ человекѣмъ“, имѣющимъ „у себя живота (имущества) много“, онъ совѣтуетъ давать одну гривну за не исполненное правило постнаго дня, „а не в постной день немощно ти будетъ правило отправить, ино дати милостыни в полы того“. А съ другой стороны Іосифъ совѣтуетъ въ свободное время дѣлать запасъ молитвъ и для будущаго, такъ сказать, на черный день: „аще ли день случится покорнѣ, ино и на иной день впоредъ правила запасти лѣзя“. — Хорошій христіанинъ, исполняющій въ жизни предписаніи церкви, долженъ, по мнѣнію Іосифа вол., блюсти „паче всего чистоту тѣлесную“, такъ какъ при обрядовомъ направленіи благочестія религиозная жизнь древнерусскаго человека заключалась главнымъ образомъ въ общеніи съ церковной святыней. Состоящій подъ епитиміей разсматривался, повидимому, какъ нечистый; по крайней мѣрѣ его удаляли отъ святыни или наоборотъ святыню охраняли отъ него. Преп. Іосифъ и здѣсь разработалъ вопросъ съ свойственной ему мелочностью. Онъ допускаетъ своихъ вельможъ „ко кресту и икономъ прикладыватись, а не цѣловати, а святою водою (богоявленскою) кропитись, а не пити“.

Кромѣ нѣкоторыхъ наставленій нравственнаго характера (о милованіи рабовъ, о справедливомъ и милостивомъ отношеніи высокопоставленныхъ людей къ низшимъ) въ посланіяхъ Іосифа есть еще одна любопытная черта — снятіе епитиміи съ лицъ, постригающихся въ монашество, какъ бы прощеніе человека ради ангельскаго образа. „А кто пострижется въ чернцы, ино тому съ тѣхъ мѣстъ впредъ опитемии нѣтъ“, говоритъ Іосифъ въ первомъ посланіи. А

къ вельможѣ третьяго посланія онъ обращается съ настоячивымъ приглашеніемъ облечься въ святой ангельскій и иноческій образъ. Вообще говоря, обращеніе въ монашество духовныхъ дѣтей ишоками-духовниками было въ обычаѣ на Руси. 50-я глава Стоглава „о священническомъ и иноческомъ чину“ говоритъ, что духовные пастыри, т. е. духовники изъ монаховъ, сподобляли ангельскаго образа приходящихъ къ нимъ на исповѣдь и брали съ нихъ за это мзду ¹⁾. Соборъ вооружается только противъ этого мздоимства, оставляя въ неприкосновенности самый обычай. Отмѣченная черта посланій Іосифа дополняетъ показаніе Стоглава, вскрываетъ одно средство, которымъ пользовались иноки духовники, вербуя мірянъ въ монашество ²⁾.

Таково содержаніе и направленіе единственно извѣстныхъ дисциплинарныхъ наставленій древне-русскаго духовника ³⁾. Они въ подробностяхъ описываютъ обыденную жизнь духовныхъ дѣтей подобно тому, какъ духовническія наставленія назидательнаго характера очерчиваютъ для нихъ кругъ нравственныхъ требованій. Тѣ и другія произведенія слѣдовало бы изучать съ двухъ сторонъ: насколько отразилась въ нихъ древне-русская жизнь хотя бы своими идеалами, и насколько эти произведенія характеризуютъ успѣхи нравственно-дисциплинарной работы духовника, т. е. въ какой

¹⁾ Стоглавъ по Казанскому изданію, 243—247.

²⁾ Древнерусскіе духовники изъ инокѣвъ обычно посригали дѣтей своихъ въ монашество, какъ свидѣлствуетъ объ этомъ 8 статья Вопросанія Кирика (Р. II. Б. VI, 25). И въ молитвѣ, „уже даютъ епископи духовнымъ отцемъ“ при поставленіи, говорится: „подобаетъ же тебѣ и иноки постригати малаго образа и великаго“. См. *Номоканонъ* Кіев. изд. 1624 года, стр. 160. Въ этомъ же Номоканонѣ предписывается „времени покаянія умаленіе“, т. е. сокращеніе епитиміи (но не полное ея снятіе) кающагося, поступившаго въ иноческое житіе (Тамъ же, стр. 25—26).

³⁾ Преп. Іосифу вол. принадлежитъ еще посланіе къ неизвѣстному по имени духовному сыну инокѣ подъ заглавіемъ: *преданіе преподобнаго отца нашего игумена Іосифа тѣхосму о Христовѣ братѣ, еже сгхрзанити сіа заповѣди царства ради небеснаго*. Нач. „Еже о Христвѣ Іесусѣ любезнѣйшему ми братѣ и духовному чаду“... (Донслп. къ Ак. Ист. I № 211) Посланіе излагаетъ въ краткихъ чертахъ монастырскій уставъ Іосифа и заканчивается словами, свойственными духовному отцу: „аще же не въехощеши сихъ съдръжати, азъ неповиненъ есмь предъ Владыкою Христомъ, но самъ о себѣ слово даси на страшномъ судищи Христовѣ, смуже слава въ вѣкы вѣкомъ аминь“.

мѣрѣ они внесли свое содержаніе въ жизнь народа и отразились на ней. Но сдѣлать это нѣтъ возможности. Духовническихъ произведеній мы имѣемъ много и содержаніе ихъ по большей части не оригинально: оно сливается съ учительной или канонической письменностью древней Руси. Трудно выдѣлить здѣсь собственно духовническіе идеалы и еще труднѣе прослѣдить ихъ отраженіе въ жизни. Но литературная зависимость духовническихъ произведеній свидѣтельствуетъ объ ихъ особенной заслугѣ. Обладая иногда большой распространенностью и всегда авторитетомъ нравственной обязанности, эти произведенія перенесли въ жизнь литературные идеалы древности. При помощи ихъ духовникъ древней Руси исполнялъ свою скромную учительную обязанность—быть посредникомъ между Божественной книгой и вѣрующимъ. Міровоззрѣніе же древнерусскаго духовника и вліяніе этого міровоззрѣнія на жизнь народа гораздо яснѣе открываются въ духовническихъ произведеніяхъ другого рода—въ запискахъ древне-русскихъ духовниковъ относительно своей практики.

С. Смирновъ.
